

Введение

Понять логику конституционного процесса всегда было задачей политической и правовой мысли. Действительно, развивается ли конституционализм в соответствии с жесткими законами или фактически остается в мире хаоса и непредсказуемости, случайной смены противоречивых тенденций? Если принятие обществом рациональной модели конституционализма является позитивным фактором в его развитии, то чем объяснить возвращения вспять? Наконец, если в течение последнего десятилетия доминирующей являлась тенденция либерального конституционализма, то не уступит ли она место реставрации авторитарных институтов, как это неоднократно имело место ранее? Конституционные революции и перевороты конца XX в., охватившие практически все континенты, но особенно бурно проявившие себя в Восточной Европе и России, заставили исследователей обратиться к системному анализу конституционной динамики. Очевидна теоретическая и практическая значимость этих вопросов для всякого, кто интересуется не только описанием реальности, но и возможностью прогнозирования и корректировки социального развития.

Предложенная нами концепция конституционных циклов стала ответом на эту потребность: она устанавливает соотношение статического состояния с состоянием изменения в рамках единого конституционного процесса, выявляет сходные фазы данного процесса в различные исторические периоды и в разных правовых культурах, наконец, интерпретирует механизм становления нового конституционного строя.

Подобно античной теории, усматривавшей началом вещей огонь, современная мысль конструирует процесс

изменений как соединение различных элементов, комбинация которых дает новое качественное единство. Одним из важнейших элементов, определяющих стабильность всякой социальной системы и политического режима, признается право, прежде всего, основной закон – конституция, определяющая правила игры всех участников политического процесса. Стабильность системы, выступающая как единство юридической формы и социального содержания, есть, однако, скорее исключение, чем правило в мировой истории. Конфликт между ними имеет постоянный характер, создавая основу непрерывных (временами конвульсивных) изменений. Как справедливо подчеркивал знаменитый германский философ права Г. Еллинек, история права есть история революций в праве.

Для анализа конституционных изменений недостаточно разделять правовой и политологический подходы, необходимо понять воздействие различных факторов на конституционный процесс. Методология, принятая в данном исследовании, состоит в рассмотрении конституционного права и политических институтов как автономных факторов политического процесса с позиций неинституционализма. Общий подход определяется неинституциональной методологией, рассматривающей правовые нормы и политические институты как самостоятельные, но взаимосвязанные, а факторы конституционализма как элементы, изучаемые с целью более четкого выяснения механизма взаимоотношения между ними в ходе современных конституционных преобразований. Этот подход противоположен двум традиционным – нормативистскому и социологическому – и представляет собой попытку их нового синтеза. Нас интересует влияние юридических норм (прежде всего действующей конституции) на институты и влияние последних на модификацию этих норм.

Выделенные два направления перекрещиваются на проблеме изменений конституции путем принятия новых конституций и внесения поправок в существующие. В результате право, институты и процедуры предстают как взаимосвязанное целое: прослеживается влияние типов правового регулирования, задаваемых принятыми правовыми нормами, на политический процесс и, одновременно, политических институтов и процедур – на конфигурацию правовых норм и их реализацию. Именно такой подход наиболее целесообразен для изучения ситуаций перехода от одной системы к другой и сравнительного изучения конституционных параметров этих трансформаций. Актуальность и справедливость данного утверждения возрастает при оценке конституционных реформ новейшего времени в странах, где идет «догоняющая правовая модернизация», а успех преобразований в значительной степени определяется избранием адекватной модели конституционализма и технологий ее реализации. Мы показываем, каким образом радикальные изменения конституций, разумеется, если последние являются реальными, не только отражают социальные перемены, но и выступают их мощным автономным фактором, играющим иногда опережающую роль в социальной трансформации.

Применение данного подхода к мировому конституционализму делает актуальными динамическую модель развития права, анализ конституционных кризисов, политических конфликтов, способов их направленного разрешения, а также выявления технологий управления им. В качестве познавательной модели при изучении этих явлений мы считаем возможным использование философской концепции цикличности. В истории мысли данная концепция всегда противостояла представлению об одномерном линейном развитии, а потому оказывается актуальной именно для

выяснения повторяемости, присущей в той или иной степени всему мирозданию.

До настоящего времени теория цикличности развития разрабатывалась в основном экономистами и социологами (наиболее известным из них является Н. Д. Кондратьев). Вопрос о возможности ее использования в других областях знания, в частности как познавательной модели для социологического анализа конституционного развития, был едва намечен в литературе. В то же время такой подход содержит очевидные преимущества для исследователя. Он позволяет опираться на достижения классиков не только экономической и социологической, но также правовой мысли (А. Дайси, А. Токвиль, Г. Еллинек, М. Вебер, М. Острогорский, Р. Карре де Мальберг, Г. Кельзен) при изучении эволюции политико-правовых систем. Это предполагает сравнительный исторический, социологический, правовой, а в целом – философский подход к проблемам конституционализма и конституционных изменений.

С другой стороны, задача состоит в том, чтобы, используя этот подход, понять логику современных конституционных изменений, часто скрытую от непосредственных наблюдений и анализа в текущей повседневной жизни.

В современной литературе по конституционному праву разных стран (США, Франции, Испании, а в последнее время и России) все чаще можно встретить упоминания цикличности смены его фаз (например, тезисы о «циклах американской политической истории», о «циклах французского конституционализма» или о «больших периодах испанского конституционализма»). Концепция цикличности используется некоторыми исследователями при интерпретации конституционных процессов в развивающихся странах Африки, Азии и особенно Латинской Америки.

Не менее важен вклад и противников теории цикличности как вообще, так и применительно к конституционализму, поскольку они указывают на отклоняющиеся, гибридные формы, не вписывающиеся в строгую логику теории циклов. Однако системный анализ проблемы на сравнительном материале конституционных систем и институтов не проведен. Этим и определяется актуальность эмпирической разработки конституционных циклов.

Действительно, стабильность демократического перехода в условиях конфронтации переходных периодов связана не только с принятием либеральной конституции, но и с созданием системы гарантий от возврата назад (к предшествующей авторитарной модели). Это предполагает создание и постоянное воспроизведение на основании конституции того социального консенсуса, которого не было до ее принятия. Однако стабильность системы не гарантирована принятием нового права: соотнесение новых конституционных норм и существующей социальной реальности может занимать целую эпоху, включая последовательные этапы их сближения, противопоставления и последующего органического синтеза норм старого и нового права. Так возникает основа для явления конституционной цикличности, выражаемого вводимыми нами понятиями деконституционализации, конституционализации и реконституционализации.

Общий замысел исследования – показать значение циклической модели для объяснения конституционных изменений, раскрыть сам механизм цикличности, ее основные фазы и динамику их смены, проявление ее в условиях радикальных конституционных кризисов. Структура книги включает три проблемных блока. Первый раскрывает феноменологию конституционных циклов с позиций философии и социологии права,

реконструирует важнейшие исследовательские парадигмы и возможность их использования в конкретных исследованиях (глава 1). Второй блок представляет анализ реальных моделей конституционных циклов с учетом специфики их проявления в различных национальных правовых традициях – от эволюционных моделей к революционным; от правильных – к деформированным; от длительных циклов – к кратким колебаниям конституционной динамики (главы со 2-й по 11-ю). Третий суммирует результаты наблюдений о типологии конституционных циклов, их структуре и механизмах действия (глава 12).

В заключении сформулирован вывод о границах циклической концепции конституционализма, возможностях ее применения к различным регионам мира, а также перспективах практического использования для планирования конституционных изменений в странах, находящихся на стадии быстрых социальных изменений.

Глава 1. Феноменология конституционных циклов

Теория цикличности является одним из важнейших компонентов западного понимания развития. В главе представлен проблемно-аналитический синтез западной философской традиции по вопросам, актуальным для конституционализма. В их числе: определение конституционных циклов; возможность познания конституционных циклов (и методы этого познания); виды циклов; их причины; структурные параметры (содержание); динамика цикла и его движущие силы; большие и малые циклы; фазы цикличности и анализ каждой из них; завершение циклов как начало новых циклов; возможность выйти за рамки закона цикличности; прогнозирование циклов (рационалистические методики); смещенные циклы; географические перемещения центров конституционной динамики; глобализация конституционных циклов.

1.1. Феномен цикличности: понятие, виды, динамика

Цикл (от греч. *kuklos* – круг) означает совокупность явлений, процессов, составляющую кругооборот в течение определенного промежутка времени. Наиболее четко цикличность прослеживается в природной жизни (например, лунные циклы или сельскохозяйственные циклы), однако издавна существовали идеи распространения этого понятия и на общественную жизнь.

Уже в глубокой древности возникли концепции естественной цикличности, сменившиеся затем библейской картиной Сотворения мира, падения и искупления, которые в Новое и новейшее время уступили место различным научным прогнозам, основанным на принятии методов цикличности. В основе лежал

миф о вечном возвращении к истокам, представление о некоем «золотом веке» – первоначальной гармонии, которая была утрачена с развитием человеческой цивилизации, но может быть восстановлена в будущем. Циклизм вообще является характерной чертой всей западной политико-правовой мысли.

Было бы неверно, однако, рассматривать цикличность как исключительный феномен западной культуры. Он характерен для большинства традиционных религий и обществ – древних цивилизаций Индии, Китая. Исследователи Индии констатируют присутствие циклов в индийской космологии, находят их обоснование в разных религиях – буддизме, джайанизме и индуизме. Символом цикличности в буддизме являлось колесо. В древней Индии, согласно данной интерпретации, уже до нашей эры существовали аналогии теории цикличности и ее важнейших параметров. Это был миф, достойный Платона, и договорная теория, достойная Локка и Руссо, которая была представлена уже в Артахаштре (вероятно, за 400 лет до Христа). Идеал всемирной империи, отраженный в эпосе и законах Ману, выражался в имперском символе – колесе перемен. На материале индийской политической традиции стало возможно обсуждать вопросы соотношения тоталитарной теократии и светского государства, включающего представления о независимом общественном мнении и возможности легитимного сопротивления тирании (например, тирании монарха, нарушающего священные нормы). Цикличность китайской истории также стала постоянным объектом внимания.

Понятие цикла, применяемое экономистами и социологами для анализа динамики общественных процессов, целесообразно экстраполировать на такую область, как конституционные кризисы. Под циклами

обычно понимают движение через последовательно связанные фазы: кризис, депрессию, оживление, подъем. Завершение одного цикла дает начало другому, который проходит сходные фазы. Идея цикличности политического развития намечена в виде тезиса о циркуляции форм правления еще в античности Платоном, Аристотелем и особенно Полибием.

Циклическая теория в тот период была, возможно, слишком прямолинейна, однако она ставила значимый вопрос о логике смены и повторяемости политических режимов и их конституционного устройства. Древние, опираясь на представление о естественном праве (как проистекающем непосредственно из природы) и соответствующей ему идеальной форме правления, противопоставляли им реальность как отступление от этого идеального типа. Они четко различали в этой реальности правильные и неправильные формы правления, говорили об их цикличности. Платон и Аристотель создали концепцию циклической смены форм правления – демократии, олигархии, тирании. Обоснование цикличности Платоном (в диалоге «Политик») выглядит следующим образом: «Бог то направляет движение Вселенной, сообщая ей круговращение сам, то предоставляет ей свободу – когда кругообороты Вселенной достигают подобающей соразмерности во времени; потом это движение самопроизвольно обращается вспять, так как Вселенная – это живое существо, обладающее разумом, данным ей тем, кто изначально ее построил, и эта способность к обратному движению врожденна ей в силу необходимости...». Божественное начало – основной внешний импульс движения – остается вечно неизменным и тождественным само себе, однако созданный им космос подвержен переменам. В целом космос движется единообразно, путем внешних импульсов, в результате чего и возникает цикличность, но иногда система остается предоставленной

самой себе и ее движение происходит, так сказать, по инерции. В результате возможно как прогрессивное развитие цикличности, так и регрессивное, возвращающее ситуацию вспять или ведущее к отклонениям в движении. Каков же механизм процесса? Когда, в предписанное время, космосу дается свобода (кормчий вселенной отпускает кормило и оставляет свой наблюдательный пост), космос «движется сам собой, предоставленный себе самому на такой срок, чтобы проделать в обратном направлении много тысяч круговоротов, благодаря чему он, самый большой и лучше всего уравновешенный, движется на крошечной ступне»¹. Космос, в отсутствии направляющего импульса, не останавливает циклического движения, но оно становится спонтанным – «продолжает вращаться под воздействием судьбы и врожденного ему вождения».

Данная концепция цикличности многое объясняет в политической философии Платона – деление социальных и политических форм на идеальные и реальные, причем последние подвержены цикличности – они возникают в результате отклонений (прежде всего биологической деградации людей). Концепция ведет к размышлениям о циркуляции форм правления под воздействием общества, а также о необходимости поиска механизма, способного преодолеть спонтанное (и потому регрессивное) развитие общества. Такой механизм он находил в создании универсальных и жестких законов, в концентрации власти в руках узкой элиты – «пастухов человеческого стада, которых мы называли политиками». Именно для достижения этой цели – легитимации власти в руках профессиональной элиты – философ говорил о необходимости «Большого мифа» или, точнее, о необходимости «разбудить спящий миф». Платон постоянно имел в виду несо-

¹ Платон. Государство. Законы. М.: Мысль, 1999. С. 18–19, 22.

вершенство людей, искусство же царствовать или государственное искусство он сравнивал с пастушеским искусством, а политика – с пастухом «человеческого стада» безрогих, двуногих животных.

Важная сторона преодоления спонтанности – со-вершенство законов, основанных на разуме, и обеспечение жесткости их соблюдения. В «Законах» Платона проектируется своеобразный механизм защиты конституции – Сверхгосударственный орган охраны – Ночное собрание, в которое включены «десятеро самых престарелых стражей законов и все те, кто имеет отличия». Оно собирается тайно и именуется «якорем для всего государства». Этот институт призван спасти «все то, что нам желательно, так как в нем сосредоточено все полезное». Эти старцы, которые сравниваются с политическим разумом, размышляют о значительных вещах, дают свои советы и «спасают все государство в целом». Они призваны предотвратить такое явление, как «блуждание государственных узаконений», в котором нет ничего удивительного, поскольку «в каждом государстве цели законодательства разные». Подобно уму кормчего, врача или военачальника, ум государственного мужа должен иметь «единую цель». Это Ночное собрание претворяет в государстве космические законы. Если это божественное собрание будет создано, то ему надо поручить государство. Его члены должны быть тщательно подобраны и надлежащим образом воспитаны. Получив такое воспитание, они поселятся на акрополе, возвышающемся над всей страной, и будут такими совершенными стражами по охране добродетели, каких люди не видывали в прежней жизни.

Аристотель, хотя был менее привержен жесткой концепции циклического развития, стремился в своей «Метафизике» ответить на ряд фундаментальных вопросов о природе движения, его формах и проявлениях.

Отправной точкой его размышлений является противопоставление материи и формы, вечного и преходящего, сущего и возникающего, статичного и изменяющегося.

Центральной идеей при объяснении возникновения движения стала идея противоположности. Он внимательно относится к мысли о том, что «противоположности суть начала существующего». Констатировалось, что «существующие вещи и сущность слагаются из противоположностей, по крайней мере все признают началами противоположности». Понимая противоположность как «законченное различие», он усматривал в них причину конфликтности, возможность путем рационального научного анализа установить начала и концы, а в конечном счете исходя из причины установить цель движения. Данный подход был многим обязан концепции цикличности, так как именно циклическую форму движения мыслитель считал наиболее совершенной: «существует нечто вечно движущееся беспрестанным движением, а таково движение круговое»². Поэтому Аристотель в трудах как по физике, так и по политике стремился прежде всего отыскать сходные параметры явлений, определить их в виде обобщающих понятий, а затем установить их динамику и повторяемость. Хорошо известны его выводы о соотношении правильных и неправильных форм, переходе одних в другие, причинах государственных переворотов в «Политике». Сходная направленность исследовательского интереса на поиск повторяемости представлена в «Афинской политике» при описании тирании Писистрата, которая предстает не как уникальное, но скорее как закономерное явление, поскольку воспроизводилась несколько раз³.

² Аристотель. Метафизика. М.: Мысль, 1976. С. 309.

³ Аристотель. Политика. Афинская политика. М.: Мысль, 1997.

Идея циклов в государственном устройстве четко сформулирована Цицероном. «Изумительны, – говорил он, – бывают круги и как бы круговороты перемен и чередований событий в государстве». Их не только можно познать, но и использовать в практической политике: «Если знать их – дело мудрого, то предвидеть их угрозу, находясь у кормила власти, – дело, так сказать, великого гражданина и, пожалуй, богами вдохновенного мужа». Отвергая три крайние формы правления (власть царскую, оптиматов и народа, последовательно сменявшие друг друга в ходе цикла), он приходит к выводу об оптимальном характере смешанного вида государственного устройства, основанного на сочетании преимуществ чистых форм. Осмысливая «перемены в государственном устройстве», он видел их источник в изменении социальных форм, которые колеблются от одного крайнего варианта к другому. В результате чрезмерная свобода (демократия) приводит к разрушению общества и завершается рабством (тиранией). В этих условиях государственная власть никогда не остается стабильной: подобно мячу она переходит от одних правителей к другим (от царей к тиранам, от последних – народу или олигархам и т. д.). Искусство правителя, прозорливо отмечал он, состоит в возможности прогнозирования цикличности и четком представлении о содержании соответствующих фаз цикла. «Здесь опять повернется тот круг, естественное движение и оборот которого вам следует научиться узнавать с самого начала. Вот основа государственной мудрости, составляющей все содержание нашей беседы: видеть пути и повороты в делах государства, дабы, зная, куда приведет то или иное из них, быть в состоянии задержать его ход и даже воспрепятствовать ему»⁴.

⁴ Цицерон. Диалог о государстве, законах. М.: Мысль, 1999. С. 67, 94.

Учение о циркуляции форм правления стало, таким образом, важным выводом философии античности. Современные исследователи спорят о том, до какой степени жестко понимали эту цикличность различные авторы, начиная с Платона, и какое место они отводили возможности импровизации – возникновению различных промежуточных форм между основными, «чистыми» идеальными типами. В число существенных вопросов этой дискуссии входит соотношение так называемых правильных и неправильных форм, причин перехода одних в другие, движущих сил смены форм правления. Очевидно, что античная теория цикличности стремилась решить вопрос о том, до какой степени смена форм правления подчиняется жесткой логике теории циклов – всегда ли, например, демократия сменяется тиранией, а также какова может быть роль самой тирании в создании стабильного правления без революции. Решение проблемы предполагалось в более четком определении содержания различных форм правления, разделении их на правильные и неправильные, установлении крайних форм (монархии и демократии), а также анализе механизмов их смены (революций, реформ и переворотов). Данный подход открывал перспективы научной классификации конституций античного мира, типологии идеальных типов (или «чистых» моделей) и смешанных или «комбинированных» форм, отражающих переходные состояния, а также предоставлял возможность анализа факторов их легитимности и смены.

Теория цикличности форм правления нашла завершенное (и существенно упрощенное) выражение в концепции Полибия, которая выступает как своего рода идеальный тип данной модели. Согласно данной теории, наследственная монархия возникает благодаря вере людей в добродетельные качества первого спра-

ведливого правителя. До тех пор пока происхождение монархии и ее подлинная цель не забыты, эта система хорошо служит обществу. По прошествии времени, однако, потомки короля-основателя начинают верить в то, что правление принадлежит им по праву и что их власть должна служить для удовлетворения любого желания. Они начинают покушаться на частные права их подданных. Так монархия превращается в тиранию.

Когда этот режим становится непереносимым, некоторые из наиболее выдающихся, знатных и смелых подданных устраивают заговор для свержения монархии, и если их поддержит народ, монархия не замедлит прекратить существование. Народ избирает лидерами людей, сыгравших наиболее выдающуюся роль в борьбе с произволом, и таким образом тирания заменяется аристократией.

Этот режим, в свою очередь, также определенное время функционирует хорошо. Новые вожди, пользуясь оказанным доверием, правят на благо всего общества. Позднее правление становится наследственным, и с течением времени наследники первоначальных вождей вновь забывают происхождение и цель существующей политической системы, становятся высокомерны и злоупотребляют своей властью. Таким образом аристократия постепенно превращается в олигархию.

Наконец, когда положение становится нетерпимым, снова происходит революция, на этот раз исходящая непосредственно от народа. Из-за плохого опыта с монархией народ не хочет возвращаться к этой форме правления. Единственной мыслимой возможностью, которая остается в этой ситуации, является сохранение власти в руках самого народа, и в результате олигархия заменяется демократией.

Данный политический порядок вновь работает хорошо лишь определенный период времени, до тех пор

пока в народе сохраняется понимание таких обретенных ценностей, как свобода и равенство. По прошествии некоторого времени, однако, народ так привыкает наслаждаться свободой и равенством, что эти великие блага перестают что-либо значить для него. Индивиды и группы начинают бороться друг с другом за влияние и власть. На первом плане оказываются демагоги, которые знают, как завоевывать последователей в народе, оказывая ему благодеяния за его собственный счет. В конечном счете результатом становится конец демократического режима, который прекращает свое существование в беспорядке и полной анархии.

Последний поворот колеса возвращает ситуацию к началу перемен: общество обращается к монархии, поскольку только она способна восстановить право и порядок.

Таков, по Полибию, естественный цикл чистых (и «простых») конституций. Единственный выход из этого порочного круга (цикла) конституций, согласно Полибию, может быть найден в смешанной конституции (по образцу институциональной системы Римской республики), которая представляет собой хорошо сбалансированную комбинацию всех простых конституций. Эта модель (элементы которой присутствуют у Платона и особенно у Аристотеля) есть ни что иное, как прообраз современной конституционной системы сдержек и противовесов⁵.

Теория цикличности оказалась востребованной в западной политической мысли в Новое время, когда в ходе радикальных социальных и политических изменений возникла потребность в их рациональной интерпретации. Она представлена уже у Н. Макиавелли,

⁵ Fritz K. von. The Theory of the Mixed Constitution in Antiquity. A Critical Analysis of Polybius Political Ideas. N. Y.: Columbia University Press, 1954. P. 60–61.

развита Дж. Вико, который распространил идею цикла на все общество, размышляя о логике спонтанных изменений – приливах и отливах (*corsi* и *ricorsi*)⁶. Французская революция (Кондорсэ) выдвинула идею линейного прогресса, который проходит различные стадии. В последующей философской мысли данная идея предстает в виде диалектической спирали Г. Гегеля и теории формаций К. Маркса, этапов прогресса (социальной статики и социальной динамики) О. Конта.

В новейшее время она находит своеобразную трактовку в философии и социологии культуры О. Шпенглера, А. Тойнби и П. Сорокина, в экономической теории – в концепции Н. Д. Кондратьева, а в политической социологии – в идее циркуляции злит В. Парето и в железном законе олигархии Р. Михельса. В дальнейшем идея цикличности распространяется во многих других областях знания, оказывая влияние на разработку социологии знания (теория научных революций Т. Куна), экономических кризисов (Й. Шумпетер), стадий экономического роста (В. Росту), социологии конфликта и теории модернизации. Концепция экономических циклов, разработанная в XX в. Кондратьевым и Шумпетером, оказала в свою очередь влияние на развитие социологической теории циклов. Таким образом, концепция цикла имманентно присутствует во всех крупных философских, социологических и экономических теориях, стремящихся понять типологически сходные фазы развития социальных процессов и дать их сравнительное описание.

Современные критики циклизма как линейного развития, проходящего определенные этапы, выдвигают модели многонаправленности изменений, в которых большую роль играют факторы альтернативных

⁶ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М., 1994.

стратегий, случайности и открытия. Они подчеркивают неравномерности развития, понимая под ним не различие в скоростях, а качественное различие путей и типов развития. Опираясь традиционными понятиями, деятели радикальных социальных перемен создают качественно новые схемы развития. Суть в том, что эти теории возникали в периоды острых кризисов и являлись попыткой их объяснения. Все эти теории отрицают представление (свойственное как для метафизической философии XVIII в., так и для эволюционистских и позитивистских доктрин) о линейном развитии и прогрессе, когда каждый предшествующий этап готовит последующий, а тот в свою очередь есть шаг вперед к известной цели.

Эти исследователи предпочитают другую, менее определенную терминологию, говоря не о цикличности как закономерном процессе, а о динамике социальных явлений – рождении и упадке цивилизаций (О. Шпенглер), вызовах и ответах (А. Тойнби), смене демократии и диктатуры, циркуляции элитных групп (В. Парето), волнах демократизации. Однако они вынуждены констатировать, что всякая новая система приобретает известную устойчивость и может быть пересмотрена только в ходе следующего аналогичного кризиса. А это значит, что цикличность может выступать в специфическом выражении также в условиях неравномерного развития: модернизации и глобализации.

1.2. Метод познания конституционализма: выведение понятий и границы их применения

Обращение к понятию конституционализма делает необходимым его рациональный методологический анализ. В этой области знаний особенно заметно деструктивное влияние философских школ так называемого постмодернизма, общими параметрами которых

стали отрицание рациональных методов познания, релятивизм, проявления отчаяния и растерянности вследствие утраты творческой перспективы. Основные постулаты этой философии, уверенно сообщающей о конце истории и цивилизации, представляют собой реакцию неподготовленного массового сознания на крушение коммунистического эксперимента, резкие изменения общества в результате глобализации и технологических изменений. Социальный и политический кризис, о котором многократно заявляли сторонники данного направления, есть лишь ускоренная форма изменений, которые всегда заканчивались не крушением права, а появлением его новых форм.

Критическая философская теория со времен Канта и до настоящего времени откладывала позитивное познание до того времени, когда будет завершено исследование способности познания. В результате оказывается, что осмысление процесса познания должно иметь место до того, как начался сам процесс познания. Классическая дилемма, выражающаяся в попытке научиться плавать до того как войти в воду. Поэтому остаются актуальными наблюдения о важности философского трансцендентального (выходящего за пределы определенности рассудка) размышления, представление об истине как объективном знании, важности построения моделей, основанных на эмпирическом знании. Прав Гегель: «Где нет определенности, там невозможно познание. Чистый свет есть чистая тьма»⁷.

Для теории конституционного права конфликт двух познавательных стратегий оказался особенно важен в странах Восточной Европы постсоветского периода, где практика рецепции либерального конституционализма шла с опережением теоретического осмысления

⁷ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. С. 146.

его содержания и возможности применения в новых социальных условиях. До сих пор идет спор о том, каковы параметры конституционализма вообще, как соотносятся его классические формы и их модификации в условиях модернизации, каковы объективные параметры, позволяющие говорить о том, состоялся конституционализм или нет.

Для современного этапа необходима критика трех различных предрассудков в отношении истины: неоправданной самоуверенности, скептицизма, сомнений. Первый предрассудок исходит из того, что конституционализм есть очевидность, которая не нуждается в дополнительных определениях, а только в принятии к действию (его недостаток – игнорирование ситуаций, связанных с трудностями реализации конституции); второй – в представлении о полной неясности и непознаваемости данного явления (конституционализм как некая «вещь в себе», которую можно ощутить только тогда, когда происходит отказ от нее); наконец, третий предрассудок выражается в принятии самой идеи конституции, но отрицает возможность ее реализации в трудных условиях.

Эти предрассудки представлены в отечественной литературе, причем не только научной. В современных интеллектуальных дискуссиях, прежде всего в российской публицистике, данные подходы отражают не только и не столько конфликт идеологий, сколько смену фаз цикла. Когда выдвигается одна из представленных позиций, выражающих оптимистическое или пессимистическое представление о конституционализме (например, об устойчивости конституции или, напротив, ее полной неработоспособности), спор ведется в абстрактных категориях, без выяснения фаз развития, сопоставления с разными периодами европейского конституционализма, выяснения относительной перспек-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru